

УДК 94

DOI 10.17223/19988613/40/22

С.А. Красильников, Л.И. Сосковец

РЕЦЕНЗИЯ : ИВАНОВ А.С. «ИЗЪЯТЬ, КАК АНТИСОВЕТСКИЙ ЭЛЕМЕНТ...»: КАЛМЫКИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ (1943–1959 гг.) / ПОД РЕД. Б.У. СЕРАЗЕТДИНОВА ; НАУЧ. СОВЕТ ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ РАН ПО ПРОБЛЕМАМ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ. М., 2014. 294 с.: ил.

Новейшая постсоветская отечественная историография демонстрирует резко изменившиеся за четвертьвековой период своего существования предметный «ландшафт» и исследовательские приоритеты в области изучения советской эпохи. Традиционные ориентиры на многотомные издания, в том числе по истории партии и государства, классов, войн и революций, уже не занимают доминирующего положения, на их место пришли разноформатные исследования этнических, конфессиональных, социально-культурных процессов, структур повседневности и других явлений, характеризующих смещение акцентов с истории государственности на социальную историю. Изменение исследовательской «оптики» повлекло за собой и широкомасштабную инверсию: если ранее государственные институты советской эпохи рассматривались и оценивались исключительно в положительной коннотации, то ныне советская государственная политика и практика ее реализации оцениваются с противоположными знаками (исключение делается только для Великой Отечественной войны, точнее для ее итогов). Следует ли считать сложившуюся в отечественной историографии ситуацию аномальной, или считать это издержками затянувшегося переходного периода к взвешенному и политически неангажированному переосмыслению советской эпохи, – ответ на этот вопрос зависит не в последнюю очередь от конкретной ситуации в отдельных предметных областях.

Представляется, что одной из такого рода тематических площадок может стать динамика изучения советской государственной репрессивной политики, где отечественные и зарубежные исследователи сформировали за постсоветское время весьма внушительный комплекс работ документального и исследовательского характера. Данная тема, к тому же, является одной из наиболее острых и чувствительных, поскольку имеет прямой выход на современность, входит в сферу государственной политики памяти. И даже в этой острой и чувствительной сфере есть особые «болевые» точки, касающиеся этноконфессиональных общностей, где коллективная память о репрессиях и дискриминациях сталинской эпохи носит особенно травматический характер. Это, пользуясь перефразировкой А.И. Солженицына, жизнь и судьба «наказанных народов», оказавшихся в «другом Архипелаге ГУЛАГ», не лагерном, а спецпоселенческом. В поле нашего внима-

ния – размышления о книге исследователя из Сургута Александра Сергеевича Иванова о судьбах той части калмыцкого народа, ссылка которой была определена в районы Омской области и выделившейся из нее в 1944 г. Тюменской (Обской Север).

Автор книги оказался поставлен в положение двойной ответственности. Первая из них связана с тем, что он вступает в исследовательское пространство, долго-временно и активно осваиваемое историками, носителями собственно калмыцкого этноса, которыми написаны десятки работ о депортации своего народа. Вторая вытекает из гендерной характеристики: книга является собой заявку молодого исследователя на включение в сообщество историков депортационной тематики.

Здесь необходимо отметить саму динамику разработки отечественными историками указанной предметной области: прологом стали исследовательские и документальные публикации рубежа 1980-х – 1990-х гг. Их логическим продолжением – как результат масштабного расширения доступности историков к документам делопроизводства высших органов власти и репрессивных структур – стали появившиеся теперь уже на рубеже следующего десятилетия монографические исследования Н.А. Ивницкого, В.Н. Земскова, Н.Ф. Бугая, П.М. Поляна и др., документальные научные издания, в том числе серийные («Трагедия советской деревни», «Политбюро и крестьянство» и др.). Появились фундаментальные исследования регионального характера. Иначе говоря, есть основание полагать сформированным тематическое направление и когорты условно «депортантоведов», внутри которых обозначились своего рода профили: ряд исследователей имеет ярко выраженную линию на генерализацию и классификацию феномена депортаций (П.М. Полян, В.Н. Земсков), есть специализация по типам репрессий (крестьянские / этнические / религиозные), по их регионализации (Европейский Север / Урал / Сибирь / Казахстан и др.), когда речь идет о локальных исследованиях той или иной категории депортантов в условиях спецпоселений, которых численно более всего.

Между тем обратной стороной предметного многообразия становится своего рода уплотнение исследовательского ядра, представленного концепциями, подходами, моделями и методами анализа источников. Это привело к тому, что в каждой работе монографического формата должна присутствовать в виде «визитной кар-

точки» триада (теория / историография / методы), по выстраиванию и содержанию которой специалисты с большой долей вероятности могут оценить уровень последующей «живучести» работы в историографической среде. В условиях, когда исследовательский фундамент заложен / «залит», историкам «второго призыва», чаще всего приходится уходить в эмпирику, заниматься «освоением источниковых земель». Отметим сразу, что данная рецензия не нацелена на общий разбор работы А.С. Иванова, это в известной мере уже проделал авторитетнейший историк этнических депортаций Н.Ф. Бугай в предисловии «К читателю», предваряющем саму монографию, выделив и высоко оценив ее новизну в том, что «автор сконцентрировал свое внимание на анализе главным образом социализации калмыцкого населения в новых условиях, реализации социальной государственной политики в отношении калмыков» (С. 6) Нам важно выделить то потенциально новое, что привносит молодая генерация «депортантоведов», кем и чем может прирасти данная предметная область, ибо дефицитом ныне является уже не столько эмпирический материал, сколько подходы к его интерпретации.

Александр Сергеевич своей работой демонстрирует, что его возможности уже переросли границы чисто регионального исследования, он очевидным образом создает задел для выхода на оценочное пространство всего депортационного поля. Пятая часть всего объема его книги (мы не берем здесь квалифицированно выполненные приложения), а именно: введение, историографический очерк и заключение – это чистой воды аналитика, которая формирует оценочное впечатление о книге в целом. Здесь перед нами предстает самостоятельно мыслящий исследователь, профессионально ориентирующийся в течениях и направлениях изучения феномена советских массовых принудительных миграций. Те основные «болезни роста», которые сопровождали становление этого направления в отечественной литературе (публицистичность, политическая ангажированность, понятийный разнобой, эмпиризм и т.д.), для генерации *next* есть не более чем историографические факты. Ныне существует возможность выбора базовой теории (если только не создать собственную) и в соответствии с ним выстроить интерпретации документов и материалов.

Автор совершенно определенно позиционирует себя как сторонник концепции американского историка П. Холквиста, названной «политикой населения» и направленной на формирование государством лояльного населения путем изъятия из него с помощью принудительных переселений неблагонадежных частей, «вредоносных элементов». Этим самым советская политика в данной сфере не являлась чем-то новым, уникальным, а скорее продолжением прежней российской имперской политики и, шире, устойчивым инструментом всякой государственной политики в области обеспечения безопасности институтов власти и в интересах

общества в целом. А.С. Иванов, естественно, не копирует механически подход американского историка, а предлагает с данных позиций проинтерпретировать природу, формы и последствия массовых этнических «чисток». Он совершенно правомерно отмечает в одной из своих последних публикаций, что государственное насилие, направленное на базовые общности (социальные, этноконфессиональные и др.), следует рассматривать в контексте масштабных планов переструктурирования, социальной инженерии тоталитарным режимом [1. С. 83].

Автор не только не уклонился, но достаточно четко обозначил свою позицию по трем ключевым оценочным аспектам депортационного процесса: считать ли государственную политику применительно к калмыцкому этносу геноцидом; считать ли депортацию орудием / инструментом маргинализации калмыцкого «контингента»; стремился ли политический режим к ассимиляции депортированных народов? На все три вопроса исследователь дает отрицательные ответы. Первое: «...на сегодняшний день нет документов, подтверждающих умышленное создание тяжелых социально-бытовых условий на спецпоселении и тем более свидетельствующих о принятии специальных мер для предотвращения рождения детей у калмыков» (С. 186). Второе: власть выделяла ресурсы, обеспечивала нормализацию материального положения репрессированных, способствовала социализации гендерных групп и «близких» власти элементов (Там же). Третье: «Власть добивалась не уничтожения отличительных этнических черт калмыцкого народа, а формирования из калмыков трудового населения, очищенного от “антисоветского элемента”» (С. 187).

Приведем завершающий абзац авторской монографии: «В итоге политика Советского государства в отношении калмыцкого народа не являлась геноцидом в международно-правовом понимании, точно так же, как не была она и актом маргинализации или ассимиляции этноса. Мы полагаем, что советской властью проводилась существенно видоизменившаяся, но в своей основе унаследованная с царских времен политика формирования состава населения. Насильственные методы проведения «специальных мероприятий» и поспание правовых норм придавали действиям государства репрессивный характер, делали их незаконными и преступными, приводя к многочисленным жертвам среди граждан и тяжелым этнокультурным потерям» (С. 188).

Автор, хотел он того или нет, завершил свою монографию сентенцией о том, что сама по себе государственная политика, с точки зрения функциональной, была рациональной и прагматичной и даже по-своему эффективной, но вот только методы ее реализации оказались «незаконными и преступными». Фактически здесь мы сталкиваемся с эмпирически зафиксированным отражением в сознании самого историка конфликта интересов – государства и граждан этого государства. А.С. Иванов, тщательно изучая политику госу-

дарства в отношении одного из «наказанных народов», вольно или невольно сталкивается с дилеммой о приоритетах – встать на государственно-центричную точку зрения или рассматривать события с гражданской, «социальной» точки зрения. Проявить искомую всеми беспристрастность пока никому не удавалось, равно как невозможно отделить политику от практики ее воплощения. Если преступной была сама политика (а массовые депортации советской эпохи признаны таковыми), то и практика была соответствующей. Автор стремится избавить оценочные суждения от крайностей и бездоказательных, априорных заявлений. Возражать против этого не приходится. Назовем это не геноцидом, а массовыми преступлениями против человечности. Назовем это не политикой маргинализации, а дискриминационной политикой. Назовем это не насильственной ассимиляцией, а «управляемой этничностью», запретами на естественные проявления этничности.

Исследователи отмечали изначальный циничный дуализм советской депортационной политики, применяемый еще со времен крестьянской ссылки, на стадии первого пятилетия формирования системы спецпоселений, когда в 1935 г. постановлением ЦИК СССР указывалось, что восстановление спецпереселенца в избирательных правах не является основанием выезда из спецпоселка, что означало сохранение режимного статуса ссыльного. Депортированные в восточные регионы страны калмыки в директивах власти оставались «чуть» ограниченным «правовым» населением. Это подтверждал своим разъяснением для региональных аппаратов НКВД зам. наркома В.В. Чернышев, отмечавший, что «не предусматривалось лишение или ограничение каких-либо гражданских прав этих спецпереселенцев, за исключением права выезда из мест поселения» (С. 69). Но если речь идет о такой ограничительной «малости», тогда правомерен вопрос о наличии и постоянном ужесточении в послевоенный период режимных установлений для «спецконтингентов», наличии разветвленной агентурно-осведомительной

сети и других спецтехнологий. На это есть очень квалифицированный ответ автора.

На наш взгляд, ядром монографии является глава 4 «Влияние режима на спецпоселенческий социум» (С. 121–179). Как это скрупулезно анализирует автор в данной главе, режимный статус депортантов-калмыков носил всепроникающий, системный характер, охватывавший и пронизывавший все стороны жизнедеятельности ссыльных, деформируя трудовую мотивацию, традиционные институты семьи и т.д. А осознанно проводимая прагматичная политика стратификационного деления этой учетной категории «спецконтингента» на «неблагонадежных» и «благонадежных» и создававшая иерархию статусов на практике вела к обесценению позитивной адаптации этноса к условиям ссылки, что отмечает автор (С. 159).

Вряд ли А.С. Иванов сознательно ищет баланс между рациональным и полезным и деструктивным в государственной депортационной политике применительно к калмыкам, но эмпирический материал, особенно в контрасте воспоминаний депортантов с официальной документацией, упорно «сопротивляется». Даже простое механическое сопоставление цифр (численность депортированных калмыков на рубеже 1943–1944 гг. и численность вернувшихся из ссылки во второй половине 1950-х гг.) показывает сокращение этноса почти на четверть. Нам представляется правомерным в завершение обзора книги молодого автора обратиться к эпизоду, связанному с Панайтом Истрати, румынским писателем и публицистом левой ориентации, которого называли «балканским Горьким». В конце 1920-х гг. он полтора года жил в СССР, исколесив поездками страну и описав затем советскую действительность в остро критической форме. На сентенции о том, что великие преобразования в СССР не могут не повлечь за собой всевозможные издержки («нельзя приготовить омлет, не разбив яйца»), Истрати ответил: «Я вижу разбитые яйца, но не вижу омлета».

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов А.С. Административный надзор за спецпереселенцами-калмыками (1944–1956) в контексте «политики населения» // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 2 (357). История. Вып. 62. С. 83–93.

Krasilnikov Sergey A. Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: krass49@gmail.com ; *Soskovets Lyubov I.* Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia). E-mail: ivitca56@mail.ru

REVIEW: IVANOV A.S. «TO WITHDRAW AS ANTI-SOVIET ELEMENT...»: THE KALMYKS IN STATE POLICY (1943–1959) / ED. BY W. SERAZETDINOV; THE SCIENTIFIC COUNCIL AT THE PRESIDUM OF RAS ON PROBLEMS OF MILITARY HISTORY. MOSKOW, 2014. 294 P.: ILL.

Keywords: deportation; the Kalmyks; special settlements; Soviet policy; ethnosc.

REFERENCES

1. Ivanov, A.S. (2015) Administrativny nadzor za spetspereselentsami-kalmykami (1944–1956) v kontekste “politiki naseleniya” [Administrative supervision of the special settlers-Kalmyks (1944–1956) in the context of “public policy”]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(357). pp. 83-93.